

КУЛЬТУРНЫЙ
ШОК

ВАДИМ ЧЕКУНОВ
ГАРРИ САВУЛЬКИН

КИТАЙ

Вадим Владимирович Чекунов Гарри Михайлович Савулькин Китай

Серия «Культурный шок!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41341724

Китай / В. Чекунов, Г. Савулькин.: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112478-6

Аннотация

«Лаовай» – так зовут в Китае иностранцев. Вадим Чекунов и Гарри Савулькин – внимательные и ироничные лаоваи. В своих записках о чудесах и странностях Поднебесной они с улыбкой рассказывают невероятные байки и правдивые истории о Китае и китайцах. Можно ли по-настоящему стать своим в этой стране? Трудно сказать: для иностранцев Китай – либо любовь на всю жизнь, либо ужасное место, из которого хочется сбежать поскорее. В китайцах причудливо переплелись вежливость и бесцеремонность, педантичность и неаккуратность, любознательность и закрытость. Если вы всегда хотели узнать, как на самом деле проходят китайские трапезы, не вредно ли дышать воздухом Пекина и как общаться с китайцами, чтобы случайно не обидеть, – эта книга для вас.

Содержание

Об авторах	5
Китай. Материковое	8
Вместо предисловия	8
Звуки большого города	12
Чужой среди центровых	21
Близкие контакты третьего вида	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вадим Чекунов

Китай

© Хэ Сяо, фото, 2019

© Чекунов В., Савулькин Г., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Об авторах

Чекунов Вадим Владимирович

Родился в Москве, служил в армии и закончил филологический факультет МГУ.

Преподавал русский язык всевозможным иностранцам, в том числе и китайцам. Настолько увлекся, что в 2004 году поехал к китайцам в гости в КНР, где провел больше десяти лет и написал несколько книг, не только о Китае.

Циничный оптимист.

Основное увлечение – познание жизни.

Савулькин Гарри Михайлович

Родился в Риге, служил в армии и получал высшее инженерное образование в Израиле.

В 2010 году переехал по работе в Гонконг и сразу же почувствовал писательский зуд.

Составитель «Едального гида по Гонконгу» 2017 и 2018, постоянный автор околоситайского литературного сообщества «Байки лаовая» в ВКонтакте.

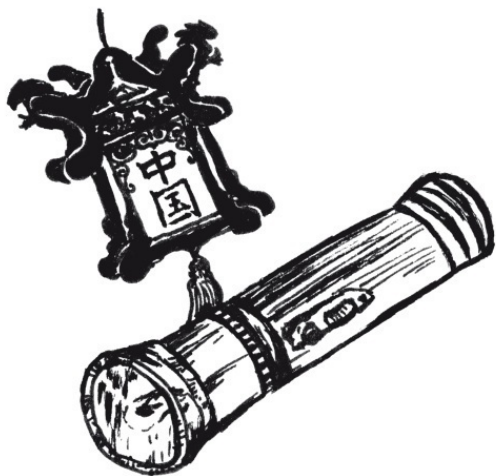
Умеренный реалист.

Основные хобби – еда и раздавать бесплатные советы.

Китай. Материковое

Вместо предисловия

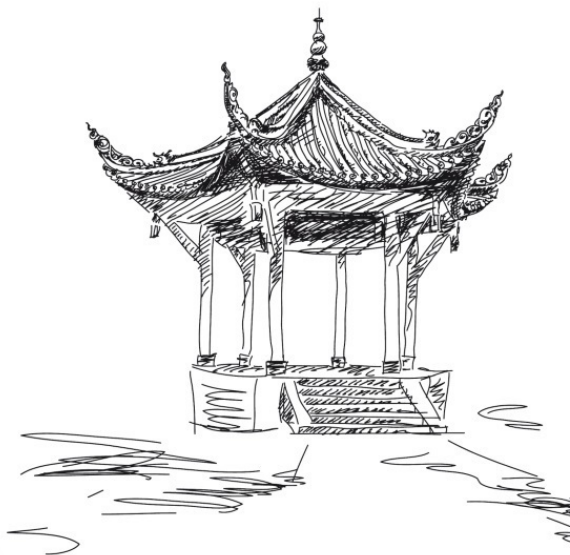
В детстве я любил лазить в шкафчик, где мой отец хранил инструменты. Шурупчики, винтики, гвоздики, гайки, отвертки, пассатижи – все это любому парнишке интересно. Но особо меня завораживал серебристого цвета электрический фонарик. В его длинный металлический корпус помещалось несколько массивных круглых батареек «Элемент». А на задней части, на закручивающейся крышке, виднелись выпуклые значки. «Это не буквы, – пояснил отец. – Это китайские иероглифы». Значки от этого пояснения стали для меня еще загадочнее. Я подолгу разглядывал их, пытаясь разгадать смысл. Один из них напоминал русскую букву «Ф», другой – окошко деревенского домика с упавшей на стекло каплей дождя. Много раз я пытался перерисовать их в тетрадь, чтобы разыскать потом знающего человека и постичь тайну загадочной надписи. Но шестилетнему пацану в Москве того времени – без Интернета, без наплыва иностранцев, да и без изобилия иностранных товаров, – это было не по силам.

Спустя годы я буду стоять в китайском аэропорту в очереди на проверку паспортов и увижу знакомые иероглифы: ##. К этому времени я уже буду знать, что первый означает «середина», а второй – «государство». Выросший на сказках о загадочных тридевятих царствах и тридесятих государствах, я окажусь в самом настоящем Срединном государстве – именно так переводится самоназвание Китая. И приключений и открытий мне предстоит сделать в нем столько, сколько не выпадало до этого всю жизнь.

Думал ли я об этом, когда держал в руках отцовский фонарик, щелкал его кнопкой и разглядывал диковинные письмена на корпусе? Знал ли, что Азия покорит меня навсегда, станет частью меня?

Нет, разумеется.

Тем и прекрасна жизнь – неожиданностями, которые нам готовит.

Звуки большого города

Неподалеку от моего дома идет нескончаемая стройка. Старые шанхайские кварталы исчезают один за другим. Приземистые домики и всякие вариации на тему «азиатские хрущевки» безжалостно сносятся, а на их месте шустро возводятся высоченные дома. Безликие и огромные, они наступают со всех сторон, высятся до самого неба. Скоро и мое жилье пойдет под снос, к огорчению *фандуна* – пожилого китайца, сдающего мне квартиру. Ни денежная компенсация, ни современные условия жизни старика не радуют. «Теряем дух города!» – жалуется он мне, приходя за деньгами. Машет рукой: «Вам, молодым, не понять...» Мне так и кажется, что сейчас он с ностальгией добавит: «При Мао такого не было!» Но дед старательно избегает любых разговоров о политике. Узнав при первой встрече, что я из России, ограничился стандартным комплиментом: воскликнул «Путин!» и показал большой палец. Ноготь на темном пальце был необычно длинным. «Холеный желтый ноготь поблескивал, как драгоценный камень», – писал в одном из рассказов Варлам Шаламов, описывая лагерного картежника. У каждого уважающего себя «народного аристократа» должен быть такой статусный ноготь, хотя бы один. Символ успеха, утонченности, благородства. Знак того, что человек не зарабатывает на жизнь тяжелым физическим трудом. Если

ноготь отрастивается на мизинце, то к нему добавляются и практические функции – это превосходная вещь для ковыряния в ушах и носу.

Завариваю чай, достаю печенье и говорю, что и сам ненавижу новостройки. Делюсь мыслью, что только в старых районах можно услышать стук сердца города, его дыхание, уловить мысли и желания его жителей... Но старик, деловито пересчитав наличку, отказывается от угощения и моих умищений. Что толкового ему может сказать *лаовай*... Да и некогда ему. В двух кварталах отсюда отгрохали огромный торговый центр, а в продуктовом отделе сегодня, в честь открытия, значительные скидки. Кукурузное масло – почти за-

даром. Надо успеть: народу будет много, китайцы люди практичные и экономные. Из окна наблюдаю за *фандуном* – вот он возится с замком своего допотопного велосипеда, вот резво вскакивает в седло и шустро крутит педали, выезжает из ворот микрорайона и, беззаботно нарушая правила дорожного движения, скрывается из виду. Дедку восемьдесят шесть лет, а его резвости я искренне завидую. Вот тебе и тяжелая, полная лишений и страданий жизнь, и ужасная ситуация с экологией, и сомнительного качества продукты... Что ни говори, но Китай и китайцы – это настоящая загадка.

«Ну как там твое житье?» – спрашивают друзья в письмах и сообщениях.

Сажу перед ноутбуком, жду, когда загрузится, наконец, нужная мне страничка почты. Борюсь с искушением написать нечто вроде жалобы режиссера Якина на свою судьбу: «Житие мое!..» Климат специфичный, еда тоже, дышать порой нечем, небо то блекло-серое, то грязно-бурое... Шумно, людно, грязно, непонятно... еще и Интернет тормозит со страшной силой... Ютуб и Фейсбук заблокированы, Гугл тоже провинился перед властями, даже любимый ВКонтакте время от времени попадает в опалу. Но едва собираюсь понять об этом друзьям, как в голове раздается недоумевающий возглас киношного царя Ивана Васильевича: «Какое житие твое, пес смердячий?! Ты посмотри на себя...»

И верно.

Если бы пятнадцать лет назад мне кто-нибудь сказал, что жизнь занесет меня в Поднебесную, да еще на такой длительный срок, я бы лишь рассмеялся и махнул рукой. Сколько раз отказывался от предложений съездить в командировку в Китай... «Понимаешь, – убеждала меня завкафедрой, – мы туда много лет наших дам посылали, в основном – предпенсионных. Неудобно уже перед партнерами. Подумают еще, что у нас в университете никого другого больше нет. А ты – молодой преподаватель, и уже с опытом. Съезди, на два семестра всего. Выручи родной факультет!» «Да я ж ни языка не знаю, ни рис не люблю... – отнекивался я. – И потом, там столько народу... Когда даже просто на карту Китая смотрю – кажется, она вся шевелится...» «Вот и чудесно, вот и договорились! Съездишь, поработаешь. Раз народу много, то и желающих поучиться немало, так ведь? Заодно и китайский выучишь!» «А рис?! А перенаселенность?!» – продолжал я отбиваться. «И с этим разберешься! Еще и полюбишь...»

Мне вспомнился отцовский серебристый фонарик. Разумеется, в один прекрасный день я его сломал. И стекло с лампочкой разбил, и выключатель, и даже крышку с иероглифами смять умудрился. Не специально, конечно, а из любопытства. Очень хотелось узнать, как там все в нем устроено. Отец еще долго мне припоминал (то ли в шутку, то ли всерьез) ту мою исследовательскую работу. «Хороший был фонарик...» – вздыхал он. Я шмыгал носом и обещал, как вырасту, купить ему такой же. Теперь-то этого добра – на лю-

бой вкус, просто завались. Хочешь – здесь покупай, хочешь – из Китая заказывай... Каких только нет. Но того самого, из детства, в магазинах не сыскать. Зато можно попробовать в старых лавках Пекина или на блошиных рынках Шанхая поискать. Даже если не найду в точности такой – пообщаюсь с народом, посмотрю на жизнь китайскую изнутри...

И согласился поехать. В полной уверенности, что меня едва хватит лишь на один учебный год...

...Ночью я лежу на кровати и слушаю звуки стройки. Она не прекращается ни на минуту. Гудит и лязгает множество экскаваторов – ковшами они вгрызаются в бетонные стены, ломают их, крушат, поднимают тучи пыли. Мне представляется стая хищных динозавров, бесчинствующая в доисторическом каньоне. Тяжкое взрыкивание, громкое шипение, лязг челюстей. Где-то после полуночи к уже привычным гулу техники и выкрикам рабочих добавляется адский грохот – будто огромных размеров железное корыто начинают на цепях таскать туда-сюда по грудам камней и бить по нему кувалдами. Иногда я проваливаюсь в беспокойный сон и вижу странные картины: распугав дерущихся тираннозавров, пароход «Титаник» вылезает на сушу и отчаянно карабкается на высокие кучи битого кирпича... За ним следом грузно, неумолимо ползет и скрежещет брюхом атомный ледокол «Ленин»... Вот он настигает обреченное судно, врезается в корму мощным носом, сминая и принимается давить его палубы... Вдруг откуда-то с неба с завыванием свалива-

ется звено штурмовых самолетов времен Второй мировой и начинает яростный огонь из бортовых пушек... Вздрагиваю и просыпаюсь, разглядывая потолок и бегающие полосы света на нем от прожекторов башенных кранов. Я уже знаю, что разбудило меня – множество «болгарок» на стройке принялись вгрызаться в металл, а в асфальт дороги недалеко от моего дома впились отбойные молотки.

Вжжжииииуу! Вжжжииууууииууи! Та-да-да-дах! – словно во много раз усиленные звуки из кабинета стоматолога. Невольно ощупываю зубы языком. Взглянув на часы – почти половина четвертого – приготавливаюсь к следующему этапу. Он не заставляет себя ждать.

Тудух-бдуч! Тудух-бдуч! Бдуч-тудух!

Это вступил в дело копер. Начинают вбивать сваи. Они всегда принимаются это делать ближе к утру. Я люблю этот звук. Под него я научился дремать, как учатся этому солдаты под звуки канонады. Старый дом весь подрагивает, эта дрожь передается моей жесткой кровати, и мягко меня укачивает. У меня есть шансы сладко поспать пару часов.

Просыпаюсь еще раз, когда уже рассветает. Грохот стройки отходит во второй план. Теперь оживает мой микрорайон. Первым начинает истошно вопить облезлый петух, которого мои соседи держат в клетке на балконе. Кукарекает он, разумеется, по-местному, издавая нечто типа «Ки-ку-ки-ка-а!» – хрипло и тоскливо, будто не извещая о начале нового дня, а в отчаянии взывая о помощи. Не сомневаюсь, что ему пре-

красно известно будущее. Слишком часто он, как и я, слышит по утрам громкий стук китайского ножа-топорика по разделочной доске: так-так-так-так-так! Это хозяйка петуха готовит таким способом фарш для пельменей или *баоцзы* — мелко-мелко рубит кусочки мяса, измельчая их до кашеобразного состояния и принципиально не пользуясь мясорубкой. Дом наполняется криками жильцов — кто-то громко общается в квартире, а кто-то уже кричит с лестницы или, выйдя на улицу, задирает голову и отдает распоряжения оставшимся дома членам семьи. Китайцы всегда кричат. Объясняют сами они это по-разному: и живостью своего характера, и необходимостью перекричать уличный шум или других людей, которых тут немало и которые тоже пытаются перекричать уличный шум и друг друга. Но сам процесс им явно нравится — порой они так увлекаются, что создается впечатление вспыхнувшей ссоры между собеседниками. Но нет, это совершенно мирно обсуждаются самые важные для каждого китайца вещи — деньги, еда и покупки. Обсуждаются обстоятельно, с удовольствием и знанием дела. И обязательно громко. Громкость свидетельствует о значимости темы и самого человека, ее затронувшего. Китайцы могут стоять в полуметре друг от друга, но кричать друг другу будут так, словно стоят на разных берегах широкой реки. Громче возможен лишь разговор по телефону — невидимость собеседника заставляет говорящего вопить в трубку изо всех сил, словно он пытается связаться с ним по полемому катушеч-

ному телефону из землянки под сильным артобстрелом.

Слышится шум заводимых под окном скутеров. Стоянка возле дома хаотична и запружена, рули часто цепляются друг за друга – неизбежно начинает завывать случайно сработавшая сигнализация на одном из упавших драндулетов. Со стороны ворот доносится почти непрерывное бибиканье транспорта – будто вся дорога заполнена блеющим стадом, которое не столько переругивается резкими звуками, сколько обозначает свою общность и комментирует текущую ситуацию.

Наконец наступает черед знакомой тренькающей мелодии. На небольшой мощеной площадке перед домом местные бабульки уже собрались на утреннюю гимнастику. Голос из магнитофона ведет отсчет и подает команды к упражнениям. Под эту музыку мне удастся еще немного вздремнуть.

Через какое-то время из соседней школы, что прямо за стеной нашего уютного и относительно тихого микрорайона, раздадутся бодрые и воинственные марши, а женский властный голос будет кричать в микрофон отрывистые команды, смысла их мне не разобрать, но они кажутся мне наиболее подходящими для расстрельного взвода.

Пора вставать. Великая страна не спит, и мне нечего прохлаждаться. Новый прекрасный день впереди. Наполненный звуками жизни – гулом наземного метро, клаксонами машин, свистом ветра в пролетах мостов, гудками судов на реке Хуанпу, криками зазывал у дверей ресторанов, шумом стро-

ек, рынков, магазинов, шелестом листвы платанов и пением стариков в парках...

Чужой среди центровых

По всем законам жанра после таким образом проведенной ночи я должен быть раздражен. Или хотя бы несчастен. Но этого не происходит со мной... Поначалу, конечно, случилось, но потом, глядя на местных, стал учиться у них своеобразному отношению к жизни. Не всегда это легко, некоторые моменты оказываются весьма спорными. Но в целом – помогает.

Когда попадаешь в Азию на срок более долгий, чем действие туристической визы, у тебя только два пути. Либо принимаешь Азию (не столь важно – всем сердцем или хотя бы частично) и обнаруживаешь, что отныне не можешь без нее жить, либо зарабатываешь нервный тик и бежишь в сторону аэропорта, проклиная местных за их повадки, внешность, язык, климат, еду и все остальное. Я видел обе категории иностранцев. Кто-то свыкается с местными реалиями, находит некоторые из них даже в чем-то привлекательными и полезными, а к другим просто относится с иронией и терпением. Кто-то скрежещет зубами и пышет злобой на все и всех – такие долго не протянут, их пребывание в Китае не сулит ничего хорошего (кроме зарплаты, быть может) ни им, ни пригласившей их стороне.

Лаоваи – так нас называют местные. При каждом удобном случае уверяя, что это слово всего лишь значит «иностранца».

нец». Хитрецы умалчивают, что это, скорее, нечто типа ироничного «иностранчег», то есть существо, стоящее на совершенно иной ступени развития, чем китаец – житель Центра Мира. И не стоит обманываться, думая, что ступень эта в китайском сознании выше их собственной, китайской. В Китае иностранцу вообще легко впасть в заблуждения, оттого и относятся к *лаоваю* с усмешкой, порой открытой, порой тщательно скрываемой. Это важный момент. Ты всегда будешь тут *лаоваем*. И не только тут. Китаец, выезжая за пределы своей страны, все равно ощущает себя полноценным человеком-китайцем, вокруг которого кишат все те же чудачки-*лаоваи*, населяющие всякую периферию мира. Одна девица из России с упоением рассказывала, как поехала в Германию и там, в Берлине, возле Бранденбургских ворот вместе с парой приятелей-немцев дразнила выходящих из автобусов китайских туристов, крича им: «*Лаовай! Лаовай!*» и тыча в них пальцем. Китайцы, по ее словам, сильно смущались и готовы были сразу же залезть обратно в автобус, спрятаться. Историю эту слушало несколько человек, все иностранцы, и повествование вызвало радостное возбуждение. Посыпались комментарии: «Супер!», «Вот это троллинг!», «Классно, тоже так надо будет на родине попробовать!» Людей понять можно. Действительно устаешь от навязчивого разглядывания и бесцеремонного тыканья пальцем в твою сторону и этого самого возгласа «*Лаовай!*» – будто ты не человек, а чудище-пришелец из космоса, ползущий на своих щупальцах

по улице китайского города. Желание «отзеркалить» поведение китайцев – своеобразная психологическая разгрузка, такая шуточная месть за бестактность. Но мне кажется, рассказчица и слушатели несколько обольщались и заблуждались. Дело в том, что попытки подразнить китайцев за границей, тыча в них пальцем и крича: «*Лаовай!*» заведомо обречены на провал. Конечно, китайцы могут испытать дискомфорт и обратно в автобус залезть, но только лишь потому, что некая «лупоглазая белая обезьяна» проявляет к ним повышенное и нежелательное им внимание, пытаясь добиться каких-то своих неясных (возможно, агрессивных) целей. То есть в сознании китайца слово «*лаовай*» настолько далеко от нейтрального понятия «иностранец» и настолько тесно связано с понятием «белый недотепа», что они лишь очередной раз убеждаются в неразумности белого, когда тот их пытается тоже «лаоваями» обозвать. Это как если мне в Африке вдруг негры станут кричать: «Негр!» – тоже удивлюсь и не пойму, что происходит.

Можно в совершенстве овладеть языком, выучить пару диалектов, достичь высот в каллиграфии, стать мастером ушу и хорошо разбираться в искусстве пекинской оперы. Китайцы искренне это оценят, причем очень высоко. Будешь буквально купаться в комплиментах и восхищении твоими способностями, но так и останешься «иностранчегом». Никогда не станешь «своим». Это не значит, что китайцы поголовно подвержены ксенофобии и не способны воспринимать иностранцев за равных себе. Нет, конечно. Иностранец в Ки-

тае может достичь небывалых высот народной любви. А то и вовсе получить титул «живого воплощения Будды», которого удостоился, например, немецкий предприниматель Йон Рабе – человек, спасший во время печально известной Нанкинской резни тысячи человек. Его именем китайцы называли своих детей, ему самому, оказавшемуся в бедственном положении по возвращению в Германию, нанкинцы собирали продукты и деньги. Китайцы умеют ценить людей, неравнодушных к ним. Но разделение на «свой-чужой» у них в крови. Если к этому относиться со спокойным пониманием или даже с юмором, жизнь в Китае может стать интересной и даже комфортной. Во всяком случае, на это можно надеяться. А тем, кто прибывает сюда с миссионерскими замыслами и желанием сразиться с культурой, которой не меньше пяти тысяч лет, можно лишь посочувствовать – ведь они неизбежно потерпят фиаско разной степени драматичности.

Принять в сердце Китай для меня не значило сделаться больше китайцем, чем сами китайцы. Я не ставлю мебель в соответствии с фэншуй, не ношу алые шелковые халаты с вышитыми золотыми драконами. Не слушаю народную оперу (вернее, слушаю – вместе со стариками-соседями сверху, большими ее любителями, однако уже не страдаю от нее, словно от зубной боли). Но Китай меня сильно изменил. На многие вещи я стал глядеть иначе. Неизменным осталось лишь одно, за что больше всего люблю Поднебесную, – практически ежедневное удивление и восхищение той жизнью,

что кипит в ее городах и деревнях. Каждый день приносит столь удивительные наблюдения и открытия, что поневоле ощущаешь себя ребенком, изумленно смотрящим на огромный мир.

Бликие контакты третьего вида

Утром я выхожу на балкон проверить, как там поживает мое белье, вывешенное, подобно флагам или парусам, на длинных горизонтальных бамбуковых шестах прямо над головами занимающихся своей гимнастикой бабок. Несколько футболок, пара джинсов, множество носков и, как веха моего привыкания к местной жизни – нижнее белье. С последним не все было гладко поначалу. При первом знакомстве со стариком-*фандуном*, когда тот показывал мне квартиру и давал ценные советы по экономии воды и электричества, я обратил внимание на эти самые шесты на балконе – здоровенные, словно удочки для великана. «Здесь будешь сушить белье после стирки!» – пояснил старик, как само собой разумеющееся. Я задумался о городской пыли, дождях и прочих неожиданных вещах. «А в квартире у тебя ничего не высохнет, – терпеливо пояснил хозяин квартиры. – Влажность ведь!»

Продевать футболки и штаны в шесты и высовывать их во двор на сушку я научился быстро. Обзавелся огромными пластиковыми прищепками и прицеплял к бамбуковым палкам носки. А вот развесить трусы на виду всей любопытствующей публики – не решался. Я был единственным иностранцем в микрорайоне и за мной с живым интересом наблюдало все его население. Когда я выходил на балкон,

бабки внизу переставали танцевать и размахивать веерами. Школьники останавливались, забывая о дороге к храму знаний и, запрокинув головы, взирали на меня. Если я возвращался из магазина, то тетушки возле дома сгорали от любопытства и всеми правдами и неправдами пытались заглянуть в мои пакеты. Мужчины провожали меня долгим изучающим взглядом – наиболее наблюдательные потом непременно изрекали: «*Лаовай!*» Впрочем, такое внимание оказывалось не только по месту жительства. В городе дела обстояли примерно так же, разве что прибавлялись крики «халоу-халоу!», что в представлении местных означало приветствие на английском языке. Порой мне казалось, что лишь две категории китайского населения избавлены от назойливого любопытства к иностранцам – новорожденные и умирающие. Им не до нас. Еще можно сюда добавить заключенных под стражу преступников – они, может, и взглянули бы, но их не пускают.

Трусы были у меня самые обычные, синие «боксеры». Но мысль о том, что их примутся разглядывать и школьники, и взрослые, и танцующие под окном пенсионеры, и даже тот самый петух с соседнего балкона будет в курсе, какие трусе-
ля носит *лаовай*, мне мешала смириться и вывесить их на на всеобщее обозрение. Должна же в человеке оставаться ка-
кая-нибудь загадка. Сначала я нижнее белье стирал и пытал-

ся высушить на спинке стула или на железной полке для полотенца в ванной. Каждый день ощупывал и удивлялся, что оно до сих пор такое же влажное, как только что после стирки. Когда срок сушки приблизился к неделе, трусы пришлось выкинуть – пахнуть они стали как старая тряпка для пола. С новым бельем нашелся выход получше – взгляд мой упал на электрический фен. Наплевав на рекомендации *фандуна* об экономии электричества, я азартно направлял горячий воздух на мокрую ткань, усмехаясь и радуясь превосходству *ла-овайской* смекалки над местными привычками и традициями. Ровно до того момента, пока фен не перегрелся и не издох у меня в руках. Пошептав несколько минут беззвучные проклятия в адрес китайского качества, китайского климата и китайского образа жизни, я прошел на балкон и с видом капитулировавшего коменданта крепости вывесил белье. Разумеется, ни оваций, ни насмешек со стороны местных не последовало. Зато я приблизился к народу сам, и жизнь моя от этого не только не пострадала, но и улучшилась. Ведь я вынес один из первых уроков жизни в Китае: будь проще, присматривайся к местным, учись у них нужным для жизни вещам – в этом они явно опытнее тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.